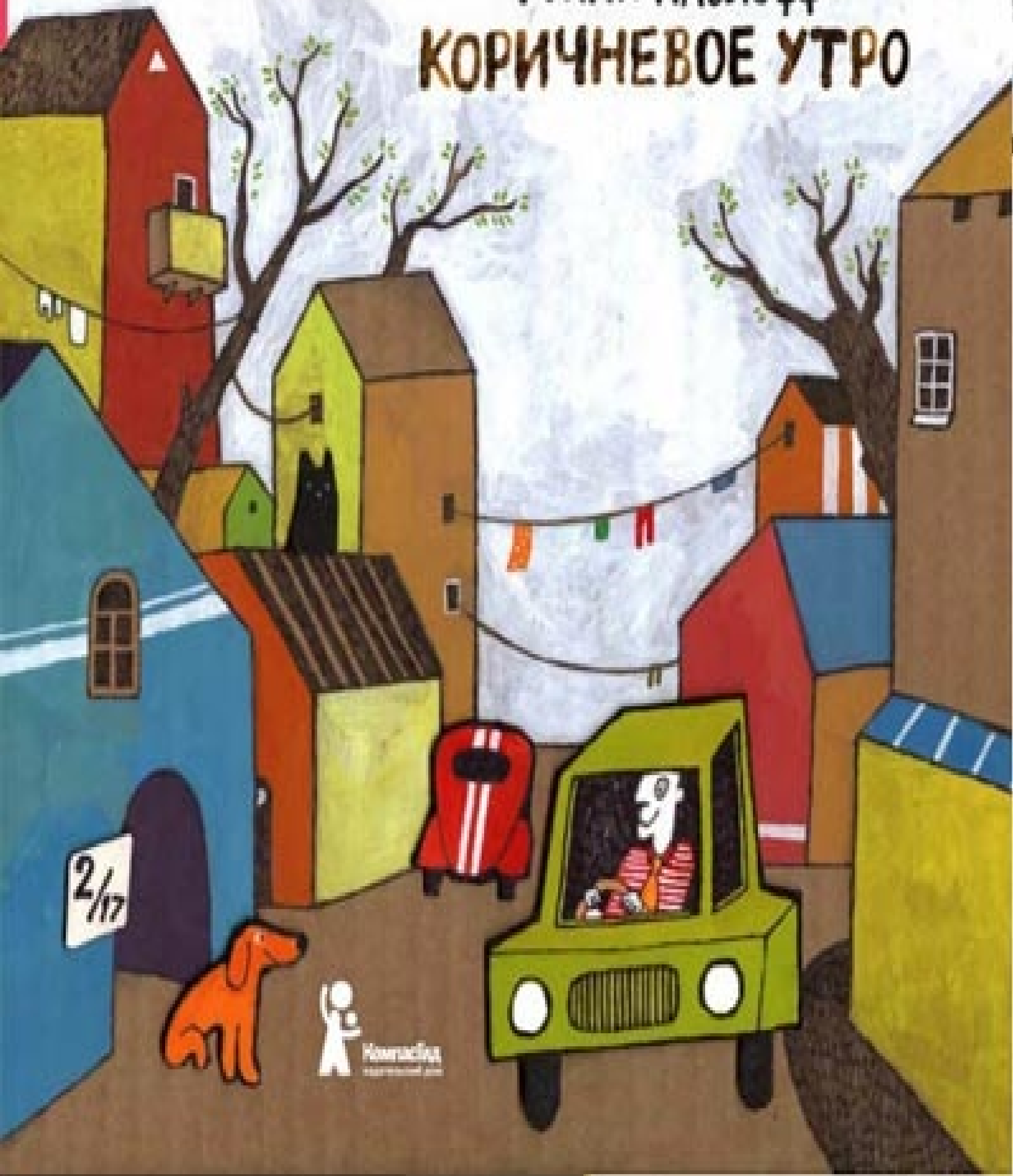

ФРАНК ПАВЛОФФ
КОРИЧНЕВОЕ УТРО

Annotation

«Коричневое утро» это новелла, написанная Франком Павлоффом в декабре 1998 года.

Сюжет, как и сам стиль повествования «Коричневого утра», очень прост: два самых обычных приятеля, наблюдая, как формируется государство Коричневых, отказываются беспокоиться и что-то предпринимать. Незаметно для героев, в результате принятых мер и новых законов, всё изменяет цвет: кошки, собаки, газеты, радио... Нет причин для беспокойства — достаточно только соблюдать новые правила. Но остановится ли на этом государство Коричневых?..

«Коричневое утро» — это манифест против политического единомыслия, метафора «коричневых рубашек» — прозвища, данного нацистской полиции СС.

Феномен антифашистской новеллы «Коричневое утро» Франка Павлоффа действительно впечатляет: книжечка в 12 страниц и стоимостью в 1 евро — вот уже больше 10 лет в списке бестселлеров во Франции, выдержала больше 40 переизданий, а общий тираж превышает 1 500 000 экземпляров.

Книга «Коричневое утро» стала особенно популярной после первого тура президентских выборов во Франции в 2002 г., когда крайне правый кандидат Жан-Мари Ле Пен (Национальный Фронт) вышел во второй тур. Сейчас эту детскую антифашистскую книгу обсуждают в образовательных учреждениях 25 стран мира.

-
- [Франк Павлофф](#)

-

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Франк Павлофф

Коричневое утро

Чтение для детей и их родителей

«Сама по себе идея нейтральна, во всяком случае, должна таковой быть; но человек приводит её в движение, проецируя на неё свои страсти и безумства; с примесями, превращённая в веру, она впадает в поток времени, принимает форму события: переход от логики к эпилепсии совершён... Таким образом рождаются идеологии, доктрины, кровопролитные фарсы»

Краткий курс превращения — Родословная фанатизма — Эмиль Мишель Сиоран

Вытянув ноги на солнце, мы с Чарли не то чтобы разговаривали, скорее, просто высказывали вслух мысли, приходившие нам в голову, даже не обращая внимания на то, что каждый из нас в свою очередь говорил. Это был один из тех приятных моментов, когда можно было не смотреть на время, потягивая кофе. Когда он сообщил мне, что отвёл на укол свою собаку, меня это удивило, но не более того. Всегда грустно, когда твоя собачонка тяжело стареет, но по прошествии пятнадцати лет надо отдавать себе отчёт в том, что рано или поздно она отдаст концы.

— Понимаешь, она не была коричневой.

— Ну да, у тебя ж был лабрадор, это не совсем его цвет. А чем он болел?

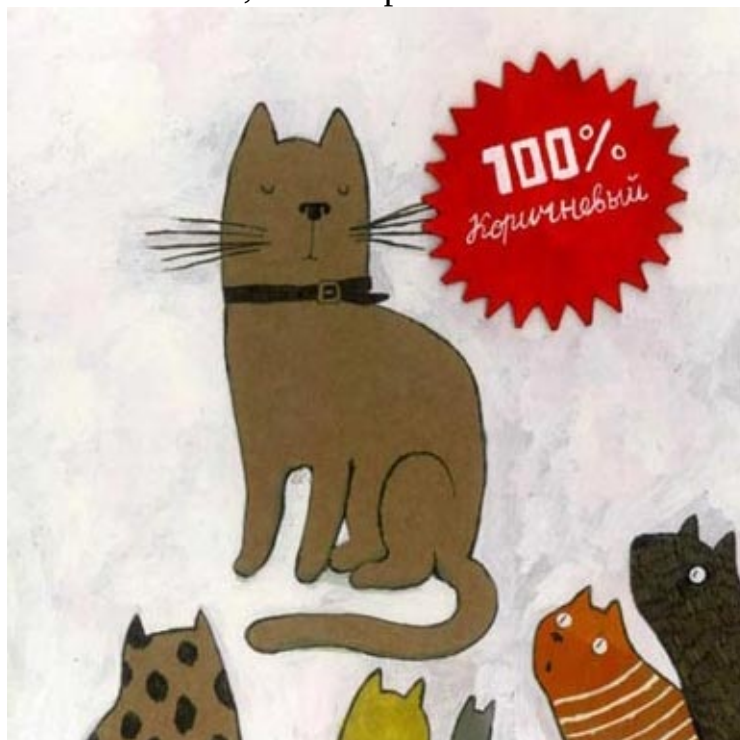
— Да дело не в этом, просто это была не коричневая собака, вот и всё.

— Чёрт возьми, как с котами теперь, что ли?

— Ну да, что-то вроде.

Что касается котов, я был в курсе. В прошлом месяце я вынужден был избавиться от моего домашнего кота, которого угораздило родиться белым с чёрными пятнышками. Перенаселение котов, и правда, стало уже невыносимым, и, исходя из того, что говорили государственные учёные, лучше всего было оставлять коричневых. Только коричневых. Все селекционные тесты доказывали, что они лучше адаптируются к нашей городской жизни, что у них небольшой приплод, и они гораздо меньше

едят. По мне, кот есть кот, и необходимо было каким-то образом решать проблему, пусть даже при помощи государственного декрета, который устанавливал уничтожение всех котов, которые не были коричневыми. Представители городской милиции бесплатно раздавали шарики мышьяка. Смешанные с едой, они отправляли котов на тот свет в один миг. Моё сердце сжалось на мгновение, но вскоре всё забылось.

А вот насчёт собак я немного больше удивился, даже не знаю почему. Может, потому что они покрупней, или потому что собака друг человека, как говорят. В любом случае, Чарли рассказал мне об этом так же естественно, как я — о своём коте. Слишком много преувеличенной сентиментальности ни к чему не приводит, а насчёт собак, в самом деле, коричневые, вроде, более выносливые.

Нам, собственно, больше нечего было друг другу сказать, и мы разошлись, но с каким-то странным чувством. Так, словно мы не всё друг другу сказали. Было немного не по себе. Спустя некоторое время, именно от меня Чарли узнал, что «Ежедневная городская газета» больше не будет выходить. Он просто обомлел: газета, которую он читал каждое утро, попивая свой кофе со сливками!

— Они закрылись? Забастовки? Обанкротились?

— Нет, нет, это из-за дела с собаками.

— Коричневыми?

— Да, как всегда. Ни одного дня без открытого осуждения этих новых

национальных мер. Они доходили до того, что ставили под сомнение результаты учёных. Читатели не знали, что и думать, некоторые даже начинали прятать своих собак!

— Доигрались с огнём...

— Как и ты говоришь, в конце концов, газету запретили.

— Чёрт возьми, а как же результаты скачек?

— Ну, старик, надо будет посмотреть твои результаты в «Коричневых Новостях», осталась только эта газета. Кажется, что касается скачек и спорта, она держится на плаву. Так как другие давно перешли границы, нужно было, чтобы хоть одна газета в городе осталась. Не могут же люди обойтись без информации.

В тот же день я ещё раз встретился за чашкой кофе с Чарли, но мне было как-то не по себе становиться читателем «Коричневых Новостей». Однако, вокруг меня клиенты быстро продолжали свою жизнь как и раньше: определённо, я зря начал беспокоиться.

Потом настала очередь книг в библиотеках, тоже не очень ясная история. Против издательств, которые являлись частью той же финансовой группы, что и «Ежедневная городская газета», возбудили судебные процессы, а их книги стали запрещёнными на библиотечных полках. В самом деле, если бы люди читали то, что эти издательства продолжали публиковать, то находили бы слово собака или кошка, по крайней мере, один раз на том, и, разумеется, далеко не всегда рядом со словом коричневый. Они должны были об этом знать.

— Не надо провоцировать, говорил Чарли, ты понимаешь, нация ничего не выиграет тем, что будет отвергать закон и играть в кошки-мышки. Коричневые, — добавил он и огляделся, — коричневые мышки, на случай, если бы кто-то услышал наш разговор.

Из предосторожности мы приобрели привычку добавлять «коричневый» в конце фраз или после слов. Поначалу, просить коричневый

анисовый ликёр было для нас странным, но, в конце концов, язык ведь развивается и меняется, и не более странно добавлять «коричневый», чем «бл...», через слово, как у нас это часто делается. По крайней мере, мы были на хорошем счету и были спокойны. В конце концов, мы даже выиграли на скачках. Немного, конечно, но, тем не менее, это был наш первый коричневый выигрыш на коричневых скачках. Это нам помогло смириться с беспокойствами, которые нам причиняло новое законодательство.

Однажды мы с Чарли так здорово посмеялись! Помню, я ему тогда сказал прийти ко мне посмотреть финал Кубка кубков. А он заявился со своей новой собакой! Она была просто великолепна, коричневая от кончика хвоста до кончика носа, с карими глазами.

— Видишь, в конечном счёте, он даже ласковее, чем предыдущий, и он мне повинуется беспрекословно. И не надо было делать драму из истории с чёрным лабрадором.

Но едва он произнёс эту фразу, как его собака рванула под диван, твякая как чокнутая. Словно хотела показать, что ори — не ори, а даже будучи коричневым, он не повинуется ни своему хозяину, ни кому бы то ни было! И Чарли вдруг понял.

— Нет, ты тоже?

— Ну да, вот увидишь.

И тут, моя новая кошка выскочила стрелой, вскарабкалась по шторам и укрылась в шкафу. Кошка с карими глазами и коричневой шерстью. Как же мы смеялись. А ты говоришь о совпадении!

— Понимаешь, — сказал я ему, — у меня всегда были кошки, тогда... Ну, разве она не красива, эта?

— Она великолепна! — ответил он мне.

Потом мы включили телевизор, в то время как наши коричневые животные следили друг за другом краем глаза. Я уж не помню, кто выиграл, но помню, что мы чудесно провели время и чувствовали себя в безопасности. Достаточно просто делать то, что считалось правильным в городке, и нас это успокаивало и упрощало нам жизнь. Коричневая безопасность могла быть чем-то хорошим. Конечно, я вспоминал о маленьком мальчике, которого встретил на тротуаре напротив, и который оплакивал своего белого пуделя, умершего у его ног. Но, в конце концов, если он слушал хорошо то, что ему говорили, собаки не были запрещены, нужно было просто подыскать коричневую. Даже щенков можно было найти. И тогда, как и мы, он чувствовал бы себя законопослушным и быстро забыл бы прошлое. Но вот вчера — просто невероятно — я чуть

было не попался городской милиции, одетой в коричневое и не делающей скидок никому. А я-то считал себя в безопасности! Они меня не узнали, потому что они новички в квартале и ещё не выучили всех в лицо. Я шёл к Чарли. По воскресеньям, именно у него мы играем в белот. У меня была упаковка пива в руке, вот и всё. Мы должны были поиграть в картишки пару часов, потягивая пивко. Но вот так сюрприз: дверь его квартиры была разбита вдребезги, и два милиционера, торчащие на лестничной площадке, разгоняли любопытных. Я сделал вид, что иду на верхние этажи, и спустился назад в лифте. Внизу люди разговаривали вполголоса.

— Но ведь у него была настоящая коричневая собака, мы всё это прекрасно видели!

— Да, но, судя по тому, что они говорят, дело в том, что до этого у него была чёрная, а не коричневая собака. Чёрная!

— Раньше?

Да, раньше. Даже то, что у вас когда-либо была не коричневая собака, теперь считалось преступлением. А это совсем нетрудно было узнать, достаточно было спросить у соседа. Я ускорил шаг. С меня лился пот, замачивая рубашку. Если иметь не коричневое животное раньше — считалось преступлением, я был хорошей добычей для милиции. Все в моём доме знали, что раньше у меня была чёрно-белая кошка. Раньше! Вот уж о чём я никогда бы не подумал! В это утро, Коричневое Радио подтвердило новость. Чарли, несомненно, стал одним из тех пятисот человек, которые были арестованы. Даже, если вы купили недавно коричневое животное, это не значит, что вы поменяли мышление, добавили они. Иметь не соответствующую собаку или не соответствующую кошку, когда бы то ни было — преступление! Диктор даже добавил: «Оскорбление национального достоинства». И я хорошо запомнил продолжение. Даже если лично у вас не было не соответствующей собаки или не соответствующей кошки, но кто-то из вашей семьи — отец, брат или двоюродная сестра, например, имел такое животное, пусть даже раз в жизни, вы рискуете нарваться на серьёзные неприятности.

Я не знаю, куда они увезли Чарли. Но тут они явно преувеличивают. Это сумасшествие. А я-то считал себя в безопасности на долгое время с моей коричневой кошкой. Конечно, если они начнут копать, что было раньше, они никогда не закончат арестовывать владельцев кошек и собак. Всю ночь я не сомкнул глаз. Я должен был сразу отнестись с недоверием к коричневым, как только они нам навязали свой первый закон о животных. В конце концов, то была моя кошка, как и собака Чарли — его собака, мы должны были сказать «нет». Сопrotивляться дальше, но как? Всё происходит так быстро, есть работа, ежедневные хлопоты. Другие тоже опускают руки, чтобы побыть хоть немного спокойными, ведь так? Ко мне стучатся в дверь. Так рано утром? Такого раньше не было. Мне страшно. Ещё совсем раннее утро, за окном коричневые сумерки.

Да перестаньте же так громко стучать, я иду!

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)